

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/51/9

Н.П. Дворцова

**П.П. СУМАРОКОВ И Н.М. КАРАМЗИН:
ДВА ВЗГЛЯДА НА СИБИРЬ**

Исследуется история личных и творческих связей П.П. Сумарокова и Н.М. Карамзина в особом ракурсе: сквозь призму их понимания Сибири. Реконструируются основные мотивы ссылки как текста судьбы Сумарокова: страха перед Сибирью, домостроительства, внешней и внутренней свободы, изгнанничества. В контексте идей о колонизации и ссылке в «Истории государства Российского» и публикациях в «Вестнике Европы» 1802–1804 гг. раскрываются неоднозначность и культурно-исторический смысл ссылки Сумарокова.

Ключевые слова: П.П. Сумароков, Н.М. Карамзин, сибирский текст русской литературы, Сибирская Иппокрена, сибирская ссылка, «Вестник Европы» 1802–1804 гг.

К постановке проблемы

В истории русской литературы и книжной культуры П.П. Сумароков существует уже более 225 лет, если точкой отсчета считать выход в свет в 1789 г. в Тобольске, в типографии Корнильевых (1789–1805), первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Библиографический путеводитель по Сумарокову, созданный Д.В. Ларковичем, насчитывает свыше 200 публикаций, первые из которых относятся к 1800 гг., последние – к 2000-м [1. С. 133–147]. В 2010-е гг. интерес к личности Сумарокова, поэта, автора-переводчика первой сибирской литературно-художественной книги «Училище любви», первого сибирского редактора, не угас.

В «Истории литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.» (2012), где поэтическому творчеству и журнальной деятельности Сумарокова отводится немало места, в границах по преимуществу имманентного литературоведческого анализа убедительно показано, что «в Тобольске, в экстремальных условиях ссылки, происходит становление Сумарокова, поэта и журналиста, от ученичества и подражательности первых литературных шагов к подлинно философскому мировидению и оригинальным художественным открытиям, к числу которых относятся разработка крупной жанровой разновидности стихотворной сказки, эпиграмматическое формотворчество, опыт реформирования одического канона» [2. С. 461].

Нерешенной, по нашему мнению, остается задача, поставленная Т.Н. Соболевской в связи с 200-летием книгопечатания в Сибири и перспективами его изучения. Главным, с ее точки зрения, должно стать «осмысление деятельности типографии в контексте исторического, куль-

турного и литературного развития России того времени» [3. С. 22–23]. Контекстное изучение жизни и творчества Сумарокова также остается одной из задач современной науки. С этой точки зрения важен тот факт, что Сумароков объективно включен в контекст многовекового диалога о Сибири (сибирского дискурса), в ходе которого обсуждаются ответы на вопрос «Что такое Сибирь и зачем она России и миру?». Один из реальных путей к пониманию его места в этом диалоге, а точнее, в сибирском тексте русской литературы, – изучение личности и деятельности Сумарокова в контексте творчества тех его современников (Д.В. Корнильев, П.А. Словоцов, А.Н. Радищев, А. Коцебу, Н.М. Карамзин и др.), которых связали с ним место, время и судьба. У Н.М. Карамзина с его «Историей государства Российского» в этом диалоге особая роль: благодаря ему становится возможным по-новому понять главное событие жизни Сумарокова – его сибирскую ссылку.

Методологической основой исследования является учение М.М. Бахтина о диалогической сущности культуры, важнейшая идея которого в том, что «смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом <...> Не может быть “смысла в себе” – он существует только для другого смысла, то есть существует вместе с ним» [4. С. 350]. Эта идея М.М. Бахтина, с нашей точки зрения, может быть уточнена мыслью А.М. Эткинда о филологическом исследовании как воссоздании истории «не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» [5].

История отношений Сумарокова и Карамзина

История отношений Сумарокова и Карамзина, продолжавшаяся более двух десятилетий, не отличается большим количеством событий.

Известно, что знакомство Сумарокова и Карамзина состоялось во время их службы в лейб-гвардии Преображенском полку. На основе анализа архивных документов Д.В. Ларкович утверждает, что их встреча «могла состояться в 1781 – начале 1782 года». Кроме того, считает исследователь, «вполне вероятно эта встреча и в 1782–1783 годах, уже после перевода Сумарокова в конный полк» [1. С. 25].

Письмо Карамзина И.И. Дмитриеву от 28 марта 1800 г. свидетельствует о том, что спустя почти два десятка лет после знакомства, когда Сумароков все еще находился в Сибири, автор оды «К Милости» подчеркивает свое особое («пристрастное») отношение к ссыльному и точно характеризует его поэтический дар: «Посылаю тебе <...> Сумарокова стихи, в которых много шутиwego и забавного. Он имеет талант. Скажи мне свое мнение. Я, может быть, пристрастен» [6. С. 115].

«Пристрастность» Карамзина в отношении к Сумарокову проявилась, в частности, в том, что он не раз поддерживал поэта в ссылке. Так, в третьей книжке «Аонид» (1798–1799), поэтического альманаха, призванного представить как уже состоявшихся, так и молодых поэтов (Г. Державин, М. Хе-

расков, В. Пушкин, И. Дмитриев и др.), Карамзин напечатал большую подборку произведений находящегося в ссылке Сумарокова. Исследователи, кроме того, отмечают «несомненное участие Карамзина в издании первого отдельного собрания сочинений Сумарокова» [1. С. 25]. «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов» ссыльного поэта в 1799 г. вышло в свет, как известно, с посвящением Карамзину («Почтеннейшему русскому путешественнику»). Текст посвящения свидетельствует о том, что в Сибири Сумарокову были доступны и «Бедная Лиза» (1792), и поэтический альманах «Аглая» (1794–1795), и сборник «Мои безделки» (1794–1795). В посвящении отчетливо звучат три мотива: «весны» русской литературы, начинающей новый этап своего развития благодаря сочинениям Карамзина; «восторга» перед этой новой литературой, возникшей «после Геснера, Руссо, Грессета, Стерна»; чтения как «несравненного удовольствия».

Наличие большого количества переводных произведений, как известно, важнейший признак русской литературы XVIII в. Как и многие писатели в этот период (В.К. Тредиаковский, А.Н. Радищев, Д.И. Фонвизин и др.), Сумароков и Карамзин начинали литературную деятельность с переводов. Карамзин – с «Деревянной ноги» Геснера, «Юлия Цезаря» Шекспира, «Эмилии Галотти» Лессинга; Сумароков – с «Училища любви» И.Г.Б. Пфейля. Оба они, хотя и по-разному, причастны к процессам становления новой русской литературы, диалогически ориентированной и на европейскую, и на отечественную литературную традицию.

Сумарокова и Карамзина сближает и то, что оба они одновременно с литературным творчеством активно занимаются изданием журналов. В 1789–1791 гг. в типографии В.Я. Корнильева в Тобольске издается «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», в 1793–1794 гг. – «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствии всякого звания читателей». В 1789 г. Карамзин сотрудничает в журнале Н.И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума». В 1791–1792 гг. издает «Московский журнал». В 1794–1795 гг. выходят в свет два тома поэтического альманаха «Аглая», в 1796–1799 гг. – три книжки «Аонид», в 1798 г. – «Пантеон иностранной словесности». В 1802 г. Карамзин становится редактором «Вестника Европы». В истории отношений писателей важен тот факт, что после возвращения из Сибири Сумароков, как утверждает его сын Петр Панкратьевич, «пользовался личным знакомством Карамзина и принял на себя издание “Вестника Европы” по его желанию» [7. С. XXVIII]. Речь идет о том, что в конце 1803 г. Сумароков принял предложение Карамзина заменить его на посту редактора «Вестника Европы».

Жизненные и литературные судьбы Карамзина и Сумарокова складывались, однако, по-разному. В 1787 г., когда Карамзин переводит трагедию Шекспира «Юлий Цезарь» и пишет стихотворение «Поэзия», в котором заявляет:

О россы! Век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень, –

Сумароков отправляется на двадцать лет в ссылку в Сибирь. В 1789 г., когда Карамзин едет в свое европейское путешествие, за плечами у Сумарокова – два года тобольской ссылки, переводной роман «Училище любви» и создание первого сибирского литературного журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

При всем различии жизненных путей Карамзина и Сумарокова тема Сибири как судьбы / рока значима для них обоих. Сын поэта Петр Панкратьевич Сумароков, родившийся в Сибири в 1800 г., «неумышленное преступление» своего отца, нарисовавшего сторублевую ассигнацию, объясняет всевластием судьбы: «Получив в 19 лет чин гвардейского офицера <...> любимый своими начальниками и товарищами, с привлекательной наружностью, большими способностями к познаниям – он, кажется, мог ожидать блистательной будущности, но своенравная судьба, которая так часто играет смертными, переделала все по-своему» [7. С. X]. «Игрушкой счастья и судьбины» называет человека сам Сумароков в стихотворении «К человеку» (1802), написанном уже после возвращения из сибирской ссылки. В «Истории государства Российского» Карамзин утверждает, что гибель «Атамана-Князя» Ермака, вознесенного на вершину славы, от его же собственной «оплошности» может быть «изъясняемой единственно неодолимым действием Рока» [8. Кн. 3, т. 9. Стб. 240]. Сибирь мыслится при этом не только как рок Ермака, но и судьба России.

Сибирь в судьбе и творчестве Сумарокова

О пути Сумарокова в Тобольск в 1787 г. сын его пишет: «<...> с отчаянием души ехал он туда <...>» [7. С. XXII]. Подводя своего рода итог сибирской ссылки отца, он же утверждает: «Там он пользовался известностью и почетом и привык смотреть на этот край, так приветливо принявший и приютивший его, как на родину» [9. С. 722]. Известно также, что «Сумароков нашел в Сибири приятное общество, умных людей, книги», что губернатор Тобольска А.В. Алябьев «полюбил несчастного, как сына», что в Тобольске он смог «купить собственный дом, собрать небольшую библиотеку и кабинет минералов» [7. С. XXIII–XXVI], который сын его называет «довольно значительным и ценным». Имущества за 15 лет ссылки накопилось столько, что, возвращаясь из Тобольска в Москву, «всякий домашний скарб, а также кабинет минералов и довольно большую библиотеку... отправили целым обозом» [9. С. 726–727].

Сибирь стала для Сумарокова судьбой, новой родиной и домом. Не случайно к концу ссылки он начнет создавать особенные переводные книги, в основе которых – философия домостроительства. Оказавшись в Сибири после истории с подделкой ассигнаций, Сумароков явно нуждался не только во внешнем, но и – что особенно важно – во внутреннем домостроительстве – устройении собственной души после пережитой личной катастрофы. Первая из «домостроительных» книг Сумарокова – «Источник здравия, или Словарь всех употребительных снедей, приправ и напитков,

из трех царств природы извлекаемых, с подробным описанием их лекарственных сил или вредных действий в теле человеческом, смотря по различным темпераментам или сложениям оною, с присовокуплением многих полезнейших и новейших открытий, касательно сохранения здоровья и врачевания болезней как внутренних, так и наружных» с бесконечно длинным заглавием будет напечатана в 1800 г. в Москве, в Университетской типографии. Вторая – «Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым, или Открытие особенных, редких, удобоисполнительных, испытанных и весьма дешевых секретов, посредством которых всякий может доставить себе прочное здоровье и обогатиться честным образом в кратчайшее время» – выйдет там же в 1809 г. Идиллический образ домашнего сибирского уюта с «камельком», «аленьким трескучим огоньком» и рассказыванием сказок на фоне «сорокоградусных здешних хладов» Сумароков создает в поэме «Альнаскар».

В ссылке Сумароков не утратил ни внутреннюю, ни – в большой степени – внешнюю свободу. Сын поэта пишет об отце: «Свобода его нисколько не была стеснена, и в продолжение своей ссылки он не раз оставлял Тобольск на довольно долгие промежутки». Известно, что «время от времени» Сумароков выезжал из Тобольска на тагильский и некоторые другие чугуно- и медно-плавильные заводы» [9. С. 726], а также на знаменитую Ирбитскую ярмарку.

В записках Петра Сумарокова воссозданы колоритные картины сибирской жизни, свидетельствующие о том, что Сибирь действительно стала для ссыльного поэта родным домом: «Ирбит отстоит от Тобольска с лишком на 300 верст, но для сибиряков, привыкших к огромным расстояниям, разделяющим тамошние города, проскакать 300 верст, хоть бы и в трескучий мороз, ничего не значит. Закутанные с головы до ног в овчинные подвязные шапки, в толстые овчинные тулупы, в валенки и, сверх того, еще в медвежьи шубы, они заваливаются в плотно обитые кибитки, закрываются плотными валенными полостями и мчатся на тамошних сильных и лихих тройках день и ночь, отогреваясь на станциях чаем и разогретыми щами или казанскими перменями, запасаясь тем и другим в дорогу в замороженном виде. Отец и мать всегда вспоминали об этих поездках как о приятных прогулках» [9. С. 727].

В Сибири Сумароков не был одиноким: в 1789 г. он женился, в 1800 г. у него родился сын Петр, который в своих записках не раз писал о тесных дружеских отношениях родителей с тоболяками: «В Тобольске был у них большой круг знакомства, состоявший из людей веселых и умных и в том числе из некоторых его журнальных сотрудников» [9. С. 727].

Петр Сумароков, кроме того, пишет об особых дружеских связях своего отца с такими же ссыльными, как и он сам. Он, например, рассказывает о том, как, возвращаясь из ссылки, известный немецкий драматург А. Коцебу встречался с Сумароковым в Тобольске, провел с ним вечер «и на прощание сказал, что хоть он еще далеко от родной Германии, но в этот вечер как бы сразу перенесся в центр Европы» [9. С. 716]. Запись эта свидетель-

ствуется, помимо прочего, и о духе европейской культуры, которым был пронизан дом, возводимый Сумароковым на берегу Иртыша.

О духе европейской культуры и, в частности, о восприятии тобольскими книжниками Античности как культурного образца свидетельствует и идея «Иртыша, превращающегося в Иппокрену». Заглавие первого сибирского журнала не только обращено к образам античной мифологии, ставшим общим местом в русской литературе (Иппокрена – в одном ряду с Пегасом, Парнасом, Геликоном и др.), но и связано с мотивом (по)токов Иппокрены в российских реках, широко представленным в русской поэзии XVIII в. У истоков мотива, очевидно, стихотворение М.В. Ломоносова «Оставь, смущенный дух, презрение сует» (1761):

О вселюбезный Глас, животворяще Слово!
Я чувствую к стопам в себе стремление ново.
Коль сильно Иппокрен в России потечет,
Когда напишется над ним Елисавет

[10. С. 277].

В 1762–1763 гг. мотив прозвучал в «Хоре к Парнасу» А.П. Сумарокова:

Лейтесь, токи Иппокрены,
Вы с Парнасския горы!
Орошайте вы долины
И прекрасные луга!
Наполняйтесь, россияне,
Теми сладкими струями,
Кои Греция пила

[11. С. 282].

Мотив оказался значим для «Душеньки, древней повести в вольных стихах» (1783) И.Ф. Богдановича:

У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаявал не раз

[12. С. 46].

Д.И. Хвостов в 1791 году, последнем году существования первого сибирского журнала, в произведении «Ода. Стихотворение» писал:

Мне Иппокрену, холм Парнаса
Явите, Музы, близ Невы.
<...>
Пускай в струях Российских рек
Прольются Иппокренски воды (цит. по: [13]).

Контекст свидетельствует о том, что поэтическая формула «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» включена в значимую для литературы XVIII в. традицию и соединяет в себе два ключевых смысла: 1) связь поэзии и водной стихии как космогонического начала; 2) «превращение» (metamorphosis), преобразование сибирской земли, которая, подобно Парнасу (Геликону), становится идеальным поэтическим пространством. «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» в контексте реконструированной литературной традиции может быть понят как сибирская версия библиофильского культурного мифа XVIII в. Являясь «одним из основных культурных мифов эпохи Просвещения», библиофильский миф (как показано Е.Е. Приказчиковой, убедительно обосновавшей это понятие и термин) базируется «на абсолютной вере людей эпохи Просвещения в слово, творящее новый Космос» [14. С. 74].

В пространстве этого мироустроительного сибирского мифа (мифа о Сибирской Иппокрене) соединяются символические смыслы «реки», «книги (журнала)», «поэзии», «превращения». Для его понимания важен также тот культурно-исторический факт, что и завоевание, и освоение Сибири происходили главным образом по рекам, которые в этом случае в прямом смысле представляли в своей «мироустроющей роли» [15. С. 375].

Ссылка не смогла уничтожить ни творческого дарования Сумарокова, ни его желания вернуться домой. Как бы «приятно» ни проводил годы своего пребывания в Сибири Сумароков, давно оставленная родина, по словам его сына, все мечталась невинному изгнаннику [7. С. XXVIII]. Подчеркнем: как бы хорошо ни было в ссылке, какой бы уютный дом ни создавал Сумароков в Сибири, ссылка не переставала быть для него изгнанием и, следовательно, страданием, скорбью, бедой. Одно из свидетельств этого – басня Сумарокова «Кедр», напечатанная в третьей книжке «Аонид» и тематически сближающаяся со стихотворением «К человеку» (1802): оба произведения посвящены теме судьбы и имеют очевидный автобиографический подтекст, связанный, в частности, с пребыванием автора в ссылке.

Сюжет «Кедра», герой которого «страдалец» Зюлиман, «любимец гордого царя восточных стран», лишенный «калифовых милостей» и вслед за этим теряющий жену и сына, заставляет вспомнить историю библейского Иова многострадального. Все восемь строф басни воссоздают «скорбь, слезы и страданье» «объятого мразом бед» Зюлимана, который влачит «свой век плачевный» в пустыне и может верить «свое мученье» только кедру, «наперснику своей тоски». Басенное начало в «Кедре» с его нехитрой и грустной моралью (дерево способно утешить больше чем человек), по сути, вытеснено на периферию стихотворения, звучащего прежде всего как плач над судьбой человека, пребывающего во власти злых людей и «злобного рока» [16. С. 303–306]. Если бы Сумароков, как некогда изгнанник Овидий, писал свои «Скорбные песни» («Tristia»), оба стихотворения («Кедр» и «К человеку») были бы, безусловно, в их числе.

Сибирская ссылка Сумарокова предстает, таким образом, как явление противоречивое и неоднозначное. Объективно ссылка была не только

наказанием, но и, с государственной точки зрения, способом принудительного освоения сибирских пространств. Субъективно для самого Сумарокова это были годы преодоления личной катастрофы, внутреннего домостроительства и наиболее продуктивное время в его личной и творческой судьбе. Благодаря этим годам Сумароков состоялся как поэт, а в Сибири появился первый литературный журнал, первая литературно-художественная книга, началось книгопечатание, которое уже более 225 лет существует под знаком Сибирской Иппокрены.

Понять значение Сибири и ссылки в судьбе и творчестве Сумарокова помогает «История государства Российского» Карамзина.

Сумароков и «священная книга Сибири» Карамзина

О Сибири Карамзин, как известно, пишет в IX и X томах «Истории государства Российского», вышедших в 1821 и 1824 гг., уже после смерти Сумарокова. По аналогии со словами Карамзина об истории как «священной книге народов» их справедливо можно назвать карамзинской священной книгой Сибири. Центральной фигурой в ней является героическая фигура Ермака, а самой неоднозначной темой в исторической перспективе – тема ссылки. Но именно она проблематизирует текст судьбы Сумарокова, высвечивая его культурно-исторический смысл.

Карамзин, как известно, различает «действительные исторические познания» и «приятное баснословие», выделяя в рамках последнего известные сибирские мифы. Среди них – мифы о гиперборейцах, о Сибири как «первом отечестве Ноевых потомков», а также «предсказание сибирских волхвов» о падении Царства Кучума и сказания о том, что «многие чудеса совершались над Ермаковою могилою», вследствие чего «духовенство магOMETанское, напуганное их действием, нашло способ скрыть сию могилу, ныне никому не известную» [8. Кн. 1, т. 1. Стб. 2; Кн. I. Примеч. к т. 1. Стб. 12; Кн. 3, Т. 9. Стб. 227, 241]. В этом ряду локальных сибирских мифов более двух веков существует и миф о Сибирской Иппокрене, мироустроительный миф о книге-реке, преобразующей жизнь.

Образ Сибири в границах «несомнительной истории» строится у Карамзина на пересечении мотивов, традиционных для сибирского текста русской литературы. Речь идет о мотивах «неизмеримого пространства» [8. Кн. 3, т. 9. Стб. 219], холода («хладные пустыни») [там же. Стб. 233] и «богатств Естества». Сибирь, по Карамзину, – мир «безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой, ознаменованный разнообразием, величием, богатством Естества <...> [там же. Стб. 218–219].

В контексте темы «Сумароков и Карамзин» особое значение приобретают идеи историографа о колонизации и ссылке. Завоевание Сибири Карамзин не раз сравнивает с завоеванием Америки, и в частности Мексики и Перу. Для него значим не столько тот факт, что и в том и в другом случае «горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи вооруженных стрелами и копьями», но прежде всего вопрос об освоении новых земель, которые, как

он пишет, «ждут трудолюбивых обитателей, чтобы в течение веков представить новые успехи гражданской деятельности, дать простор стесненным в Европе народам» [8. Кн. 3, т. 9. Стб. 219].

Соединяя эпоху завоеваний Сибири с современностью (началом XIX в.), Карамзин утверждает, что в этом «крае неизмеримом» Россию ожидали «не только богатые рудники, драгоценные плоды звероловства <...> но и слава мирного гражданского образования диких народов, и счастливый способ искоренять преступления людей без душегубства, оставлять жизнь и злодеям, безвредно и еще не бескорыстно для государства, населять ими пустыни – их руками, от уз свободными, извлекать сокровища из недр земли и нередко исправлять сих злосчастных, к утешению человечества» [там же. Стб. 242–243].

Судьба Сумарокова может быть понята как своего рода подтверждение мысли Карамзина о «счастливым способе искоренять преступления людей без душегубства» и «исправлять сих злосчастных, к утешению человечества». Документы свидетельствуют о том, что «по законам» Сумароков за свое преступление заслужил смертную казнь, которая, однако, была заменена ссылкой в Сибирь [1. С. 156], ставшую для него домом и местом, где его творческие способности получили максимальное развитие. Принципиально значимыми в этой фразе Карамзина представляются нам слова об утешении человечества. Ссылаясь на авторитет Ю.М. Лотмана, подчеркнем, что «развитие государственности никогда не было для Карамзина целью человеческого общества. Целью <...> было движение человечества к нравственному совершенству». При этом Ю.М. Лотман отмечает, что, с точки зрения Карамзина, «основную роль в гуманизации общества призвана сыграть литература» [18. С. 10].

Не исключено, что именно такого рода представления стоят за «желанием» Карамзина видеть в Сумарокове, вернувшемся из сибирской ссылки, своего преемника на посту редактора «Вестника Европы».

В двух номерах (19 и 24) «Вестника Европы» за 1804 г., когда редактором журнала стал Сумароков, была опубликована работа А.Л. Шлецера «Краткое начертание сибирской истории». Как и позднее Карамзин, Шлецер пишет о том, что «история открытия и завоевания Сибири русскими представляет разительное сходство с покорением Америки испанцами». Его восхищают «деяния по-видимому невозможные, исполненные горстью людей» [17. № 19. С. 183]. В центре труда Шлецера, однако, история о том, как Сибирь, «сия обширная страна <...> под владением россиян немедленно превратилась в землю плодородную, удобную для жительства: где прежде были пространные леса, обитаемые дикими, там в короткое время явились обработанные поля и построены города многолюдные» [там же. С. 184]. Список этих городов впечатляет: Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Обдорск, Туринск, Мангазея, Томск, Кузнецк, Енисейск, Якутск и др. Лейтмотив труда Шлецера: «...страна сия час от часу приходила в цветущее состояние» [там же. С. 272].

В комментариях издателя к публикации труда Шлецера, «переведенного из одного французского журнала», сказано: «Иностранцы с удовольствием

читают все, что относится к нашей истории. Имеем причины надеяться, что читателям *Вестника* не неприятно будет взглянуть на нашу Бразилию» [17. № 19. С. 183]. Публикацию труда Шлецера «Краткое начертание сибирской истории» и комментариев к ней можно, с нашей точки зрения, рассматривать как своего рода эпилог к сибирской ссылке Сумарокова.

Слова издателя о Сибири как «нашей Бразилии» являются отсылкой к публикации из номера 16 «Вестника Европы» за 1804 г. «Письма русских путешественников из Бразилии к госп. N.N.». Авторы писем, датированных 18 и 29 января 1804 г., лейтенанты Макар Ратманов и Федор Ромберг, участники первого русского кругосветного плавания 1803–1806 гг. на кораблях «Нева» и «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна, делятся впечатлениями о своем пребывании в Бразилии. Впечатления эти, с нашей точки зрения, противоречивы и неоднозначны. Авторы писем едины в том, что «Бразилия есть совершенный рай земной» [19. С. 268]. «Сия прекрасная земля» вызывает их восхищение: «леса плодовых деревьев, множество разноцветных попугаев, колибриев и других красивых птиц; все это прелестно» [там же. С. 271]. Карамзин назвал бы это «богатством Естества». Сожаление Ратманова и Ромберга вызывает положение местных жителей и отношение к ним португальцев. «Жители вообще приветливы; большая часть их состоит из африканских негров или невольников. Я видел, как выгоняют сих бедных людей на площадь для продажи <...>. Они только здесь и работают, а португальцы ленивы и беспечны. Нельзя не пожалеть, что сия прекрасная земля в таких руках», – пишет Ратманов [там же. С. 268].

Ромберг противопоставляет португальцев, управляющих колонией, русским: «Вам известно, что Бразилиею владеют португальцы... Ежели бы они были так трудолюбивы, как русские, ежели бы правительство дозволило иметь здесь торговлю и другим народам: тогда бы число жителей умножилось в Бразилии, и скоро превзошла бы она своим богатством обе Индии; но португальцы ленивы и заставляют работать одних негров» [там же. С. 270–271].

«Наша Бразилия», Сибирь, по логике издателя, противостоит латиноамериканской колонии. Одна из важнейших мыслей Шлецера о Сибири в том, что «правительство имело неусыпное попечение о населении края новыми колонистами и об распространении благоденствия открытием новых способов промышленности» [17. № 24. С. 269]. Завоевание Сибири русскими, с точки зрения Шлецера, заканчивается тем, что правительство «признало нужным не почитать сей неизмеримой страны колонию, а учредить в ней правление, сообразное с прочими губерниями империи» [там же. № 24. С. 280–281]. Активность русских при этом переключается с «удержания в повиновении остяков и вогулов», а также других сибирских народов, «диких и непросвещенных», к «просвещению народному» [там же. № 24. С. 261, 281].

Важно подчеркнуть, что изображение победного русского завоевания Сибири не мешает Шлецеру различать частные судьбы и локальные собы-

тия из жизни завоеванных. Так, он рассказывает об одной из побед воеводы Мансурова следующую историю: «Случаю обязаны русские своим спасением. Они заметили, что остяки приставили идолов своих к одному дереву, при котором сами старались удержаться. Мансуров приказал нацелить пушку на сие место и, по счастью, ядро сшибло дерево. Страх овладел остяками. Они с поспешностью побежали и возвратились <...> с подарками и покорностию» [17. № 19. С. 211].

Следует отметить, что тема открытия новых земель и жизни колоний – одна из значимых в «Вестнике Европы» 1802–1804 гг. Так, в номере 16 за 1802 г. опубликовано «Письмо Христофора Колумба к гишпанскому королю, недавно найденное». В письме, датированном 1503 г. и написанном на Ямайке, Колумб жалуется на свое бедственное положение человека, который «покорил новый мир для Гишпаний», но «в награду за то лишен всего, кроме цепей своих» [20. С. 285]. Присоединив к испанским владениям «целую половину света», Колумб вынужден написать: «Мы извели все съестные припасы индейцев и, будучи ими оставлены, ожидаем голодной смерти» [там же. С. 282]. В неразрешенном противоречии сталкиваются здесь интересы государства с личными интересами и нравственными категориями конкретного человека.

В трех номерах журнала за 1802 г. (№ 13–15) в публикации «Жизнь Туссеня Лувертюра» рассказано о судьбе лидера гаитянской революции, в результате которой на Гаити было создано первое независимое государство Латинской Америки. «Происшествиям в Сен-Доминго», и в частности противостоянию Туссена Лувертюра и Наполеона в вопросе о рабстве на Гаити, посвящены также публикации в номерах 3 и 10 «Вестника Европы» за 1803 г.

Тема жизни колоний (мыс Доброй Надежды, Ост-Индия, Бразилия и др.) освещается также в публикациях «Вестника Европы» за 1804 г. (№ 5, 8, 10, 15, 16, 19, 24), когда редактором журнала после ухода с этого поста Карамзина становится Сумароков. Следует подчеркнуть, что позиция журнала в освещении этой темы со сменой редакторов не меняется: общезначимое не заслоняет здесь частного, локального, личного.

Можно, очевидно, утверждать, что представленные в статье два взгляда на Сибирь как дом жизни, место ссылки и колонию: изнутри (Сумароков) и извне (Карамзин) – в целом совпадают, различается экзистенциальный опыт пишущих об этом «крае неизмеримом» и, что принципиально важно, на наших глазах «к утешению человечества», как сказал бы Карамзин, развивается культурная традиция осмысления Сибири, очевидная логика которой – от признания изначальной противоречивости практик открытия и освоения новых земель до антиколониальных движений и современных постколониальных исследований.

Литература

1. Ларкович Д.В. Литературная судьба Панкратия Платоновича Сумарокова: (Опыт семантического анализа). Сургут, 2007. 168 с.

2. *История литературы Урала: Конец XIV–XVIII в.* / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Сокина. М. : Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
3. *Соболевская Т.Н.* Тобольская типография Корнильевых: основные итоги изучения // 200 лет книгопечатания в Сибири: Очерки истории книжного дела. Новосибирск : Наука, 1989. С. 12–29.
4. *Бахтин М.М.* Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 336–361.
5. *Эткинд А.М.* Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html> (дата обращения: 15.02.2017).
6. *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву.* СПб., 1866. 485 с.
7. *Жизнь П.П. Сумарокова* // Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб., 1832. С. VII–XXXII.
8. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.: в 3 кн. с прил. М. : Книга, 1989.
9. *Сумароков А.* Записки отжившего человека. История моих предков. До 1802 года // Вестник Европы. 1871. № 8. С. 691–728.
10. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1986. 558 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
11. *Сумароков А.П.* Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957. 608 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
12. *Богданович И.Ф.* Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1957. 260 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
13. *Бердников Л.* Графомания, или Первый из многих: Эволюция творчества графа Хвостова // Новая юность. 2008. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2008/6/be7.html (дата обращения: 15.02.2017).
14. *Приказчикова Е.Е.* Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи Просвещения // Филологические науки. 2009. № 4. С. 74–86.
15. *Топоров В.Н.* Река // Мифы народов мира: энцикл. : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 374–376.
16. *Аониды*, или Собрание разных новых стихотворений. М., 1798–1799. Кн. 3. С. 303–306.
17. *Шлецер А.Л.* Краткое начертание сибирской истории // Вестник Европы. 1804. № 19. С. 183–215; № 24. С. 259–281.
18. *Лотман Ю.М.* Колумб русской истории // Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. : в 3 кн., с прил. Кн. 4. Приложение. М., 1988. С. 3–16.
19. *Письма русских путешественников из Бразилии к госп. N.N.* // Вестник Европы. 1804. № 16. С. 267–272.
20. *Письмо Христофора Колумба к гишпанскому королю, недавно найденное* // Вестник Европы. 1802. № 16. С. 280–286.

P.P. SUMAROKOV AND N.M. KARAMZIN: TWO VIEWS ON SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 51. 96–109. DOI: 10.17223/19986645/51/9

Natalia P. Dvortsova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: kaf_idir@utmn.ru

Keywords: P.P. Sumarokov, N.M. Karamzin, Siberian text of Russian literature, Siberian Hippocrene, Siberian exile, *Vestnik Evropy* [Herald of Europe].

The research deals with the central event in the life of P.P. Sumarokov and his Siberian exile in the context of N.M. Karamzin's literary work which allows to challenge the tradition-

al exclusively biographic treatment of the poet's exile and facilitates a new understanding of the depth and sophistication of Sumarokov's personality and his involvement in the Siberian discourse.

The research highlights the facts in the history of Sumarokov and Karamzin's relations which lasted for over two decades and were connected with Karamzin's support of the exiled poet: publication of his poems in the third book of *The Aonides* (1798–1799), participation in the publication of his first collection of works (1799), recommendation to appoint him editor of the magazine *Vestnik Evropy* [Herald of Europe] (1804), etc.

Based on the memoir notes of the poet's son (Pyotr Pankratievich Sumarokov) the author reconstructs the main motifs of the Siberian exile as a text of Sumarokov's fate: fear of Siberia, perception of Siberia as a new motherland and home, outer and inner freedom in exile and the spirit of European culture in Siberia. Analysis of the poems "Kedr" [The Cedar] and "K cheloveku" [To Man] reveals the motive of ostracism as suffering, grief and misery playing a special role in Sumarokov's literary legacy.

The poetic formula "The Irtysh becoming a Hippocrene" is interpreted as a life-transforming world-order myth about the river-book (myth about the Siberian Hippocrene) and regarded along with the local Siberian myths whose analysis is a starting point in the understanding of Siberia in *The History of the Russian State* (myths about Hyperboreans, Siberia as "the first homeland of Noah's successors, Ermak's tomb, etc.).

Against the background of the ideas of colonization and exile in *The History of the Russian State* and in the publications in the magazine *Vestnik Evropy* (1802–1804), Sumarokov's Siberian exile presents itself as a contradictory and ambivalent phenomenon. Objectively, the exile was not only a punishment but also a form of forced exploration of the vast stretches of Siberian lands. Subjectively, for Sumarokov himself, those were the years of overcoming his personal moral disaster, searching for inner harmony and a most productive time in his creative life. In these years, Sumarokov earned recognition as a poet; the first magazine was issued in Siberia; the first literary book was published; book printing, which flourished under the aegis of the Siberian Hippocrene for over 225 years, began.

The research establishes unity in the positions of Karamzin (1802–1803) and Sumarokov (1804) as the editors of *Vestnik Evropy* on the issue of the publication of materials on the colonial topic in twelve issues of the magazine. Among these materials the author also considers A. L. Schloezer's *Brief Description of Siberian History*, which is interpreted as an epilogue to Sumarokov's Siberian exile.

The two views on Siberia presented in the article as a life's house, a place of exile and a colony from the inside (Sumarokov) and from the outside (Karamzin) coincide in general. The existential experience of the authors differs. At that, it is obvious that Sumarokov's life in Siberia was an experience of exile for Karamzin.

References

1. Larkovich, D.V. (2007) *Literaturnaya sud'ba Pankratiya Platonovicha Sumarokova: (Opyt semanticheskogo analiza)* [Literary fate of Pankratiy Platonovich Sumarokov: (The experience of semantic analysis)]. Surgut: Surgut State Pedagogical University.
2. Blazhes, V.V. & Sozina, E.K. (eds) (2012) *Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [History of the literature of the Urals. The end of the 14th–18th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Sobolevskaya, T.N. (1989) Tobol'skaya tipografiya Kornil'evykh: osnovnye itogi izucheniya [Tobolsk printing house of the Korniliev: the main results of the study]. In: Posadskov, A.L. & Krasil'nikov, S.A. (eds) *200 let knigopechataniya v Sibiri: Ocherki istorii knizhnogo dela* [200 years of book printing in Siberia: Essays on the history of book business]. Novosibirsk: Nauka.
4. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 336–361.

5. Etkind, A.M. (2001) *Novyy istorizm, russkaya versiya* [New Historism, a Russian Version]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 47. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>. (Accessed: 15th February 2017).
6. Karamzin, N.M. (1866) *Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* [Letters from N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev]. St. Petersburg: v Tipografii Imperatorskoy Akademii Nauk.
7. Sumarokov, P. (1832) *Stikhotvoreniya Pankratiya Sumarokova* [Poems by Pankratiy Sumarokov]. St. Petersburg: Tip. Plyushara. pp. VII–XXXII.
8. Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Reprint of the 1842–1844 edition: in 3 books with appendix. Moscow: Kniga.
9. Sumarokov, A. (1871) *Zapiski otzhivshogo cheloveka. Istoriya moikh predkov. Do 1802 goda* [Notes of an obsolete person. The history of my ancestors. Until 1802]. *Vestnik Evropy*. 8. pp. 691–728.
10. Lomonosov, M.V. (1986) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sov. pisatel'.
11. Sumarokov, A.P. (1957) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sov. pisatel'.
12. Bogdanovich, I.F. (1957) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
13. Berdnikov, L. (2008) *Grafomaniya, ili Pervyy iz mnogikh: Evolyutsiya tvorchestva grafa Khvostova* [Graphomania, or The first of the many: Evolution of the creativity of Count Khvostov]. *Novaya yunost'*. 6. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2008/6/be7.html. (Accessed: 15th February 2017).
14. Prikazchikova, E.E. (2009) *Kul'turnyy mif o romane-razvratitele i sposoby ego preodoleniya v russkoy literature epokhi Prosveshcheniya* [The cultural myth of a debauchery novel and ways to overcome it in the Russian literature of the Enlightenment]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 74–86.
15. Toporov, V.N. (1994) *Reka* [River]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: entsikl.: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
16. Karamzin, N.M. (ed.) (1798–1799) *Aonidy, ili Sobranie raznykh novykh stikhotvoreniy* [The Aonides, or Collection of different new poems]. Book 3. Moscow: V Un. Tip., u Ridigera i Kladiya. pp. 303–306.
17. Shletser, A.L. (1804) *Kratkoe nachertanie sibirskoy istorii* [Brief outline of Siberian history]. *Vestnik Evropy*. 19. pp. 183–215.
18. Lotman, Yu.M. (1988) *Kolumb russkoy istorii* [The Columbus of Russian History]. In: Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Reprint of the 1842–1844 edition: in 3 books with appendix. Moscow: Kniga.
19. *Vestnik Evropy*. (1804) *Pis'ma russkikh puteshestvennikov iz Brazillii k gosp. N.N.* [Letters of Russian travelers from Brazil to Mr N.N.]. *Vestnik Evropy*. 16. pp. 267–272.
20. *Vestnik Evropy*. (1802) *Pis'mo Khristofora Kolomba k gishpanskomu korolyu, nedavno naydennoe* [Christopher Columbus's letter to the King of Spain, recently found]. *Vestnik Evropy*. 16. pp. 280–286.